

© 2014 г.

Б.Н. МИРОНОВ

КАКАЯ ДОРОГА ВЕДЕТ К РЕВОЛЮЦИИ? ИМУЩЕСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ ЗА ТРИ СТОЛЕТИЯ (статья вторая)

МИРОНОВ Борис Николаевич – доктор исторических наук, профессор факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (E-mail: bmironov@mail.wplus.net).

Аннотация. Рассмотрены изменения уровня материального неравенства в России в последние триста лет в реперных точках и выявлены тренды в его динамике.

Ключевые слова: неравенство • децильный коэффициент дифференциации • Россия, XVIII – начало XXI в. • революция 1917 г. • революционная ситуация

Имущественное неравенство в России XVIII–XIX вв. Все имеющиеся сведения позволяют предположить, что уровень неравенства в России в XVIII–XIX вв. был ниже, чем в начале XX в., поскольку имущественная дифференциация растет по мере коммерциализации экономики. Попробуем получить некоторое представление об уровне неравенства в XVIII–XIX вв. в пределах отдельных сословий. Начну с дворянства.

Доля дворянства в населении страны в 1719 г. равнялась 2%, в 1858–1913 гг. – 1,5%, в том числе потомственного – 1%. Ядро дворянства составляли помещики, владеющие землей и крестьянами. Для оценки уровня неравенства среди помещиков воспользуемся коэффициентом неравенства Джини, который принимает значения от 0 при полном равенстве до 1 при максимальном неравенстве членов данной совокупности. Для дворян-помещиков, дифференцированных на три страты, коэффициент Джини, по данным о числе крепостных, принадлежавших каждой страте, составил в 1678 г. – 0,74, в 1727 г. – 0,67, в 1777 г. – 0,72, в 1833 г. – 0,75 и в 1858 г. – 0,71. Отсюда следует, что уровень неравенства среди помещиков был высоким уже в конце XVII в. К моменту крестьянской реформы в 1861 г. он остался практически прежним. В пореформенное время степень неравенства среди помещиков несколько увеличилась. В 1861 г. коэффициент Джини по землевладению в 1861 г. равнялся 0,62, в 1877 г. – 0,79, в 1905 г. – 0,82. Следует принять во внимание, что коэффициенты Джини для периодов до и после 1861 г. не вполне сопоставимы, поскольку неравенство до 1861 г. оценивалось по числу крепостных, а после 1861 г. – по количеству земли, коэффициент же чувствителен к основанию группировки, как и к числу групп, на которые разделялось дворянство по душевладению и землевладению [Миронов, 2003: 93–94, 130].

У дворян, находившихся на гражданской службе, то есть прежде всего личных дворян (33% от общего числа дворян), уровень неравенства по получаемому ими жалованью был намного ниже. Например, в 1857 г. 118,1 чиновников можно разделить по их классу на 4 группы: канцеляристы (27,2% всех чиновников), чиновники IX–XIV классов (59,6%), III–V классов (12,5%), I–IV классов (0,7%). По получаемому жалованью без наградных, столовых и квартирных они соотносились как 100:300:700:4300. И, несмотря на серьезное различие в жалованьи, уровень неравенства, измеренный коэффициентом Джини, оказался умеренным – 0,35. То же наблюдалось среди дворянства, находившегося на военной службе. Причина в том, что чиновников и офицеров высших рангов, получавших действительно огромное жалованье, насчитывалось несколько сотен. Следовательно, личные дворяне, а также и потомственные, которые не имели поместий и жили на жалованье, различались в материальном отношении намного меньше, чем дворяне-помещики. Государство старалось удерживать неравенство между ними на более или менее умеренном уровне, чтобы был стимул делать карьеру и в то же время сохранялось единство служилого дворянства. Таким образом, личные и потомственные дворяне различались и по статусу, и по материальному достатку. Малочисленная дворянская элита, состоявшая из богатых дворян-помещиков, по своим доходам резко отрывалась от всего остального дворянства [Миронов, 2003: 93–94, 130]. В массе российское дворянство отнюдь не было богатым, и, как справедливо сказал Е.П. Карнович: “Все рассказы иностранцев о богатстве старой России представляют более вымысла, нежели правды. Россия была одной из беднейших стран Европы, и заезжих к нам иностранцев могло поражать богатство только царского двора и некоторых, весьма немногих вельмож” [Карнович, 1995: 458].

Доля духовенства в населении страны в 1719 г. равнялась 1,9%, 1795 г. – 1,2%, в 1913 г. – 0,5%. По величине доходов духовенство уступало и помещику, и служилому дворянству, но уровень материального неравенства у белого приходского духовенства был примерно таким же, как у служилого дворянства. В 1738 г. коэффициент Джини по доходам священников, дьяконов и причетников составил 0,45, с 1787 по 1860 г. находился на уровне – 0,33, а в 1904–1913 гг. опустился до 0,30. Нивелирование доходов и уменьшение неравенства объяснялось изменением состава духовенства – увеличением доли священнослужителей и снижением доли церковнослужителей. При этом среди сельских причтов уровень неравенства был несколько выше, чем среди городских причтов, – 0,36 против 0,30 [Миронов, 2003: 109–110, 130].

Доля городского сословия в населении страны возросла от 4% в 1719 г. до 18% в 1913 г. В XVII и XVIII вв. податное городское население, составлявшее городское сословие, разделялись на четыре страты, которые в переводе на современный язык можно более или менее адекватно определить как богатые, средние, бедные и неимущие. В соответствии с этой классификацией городские общины раскладывали между жителями налоги и повинности, которые они несли в пользу государства. Согласно самоидентификации, более двух третей всех городских обывателей входило в категорию бедных и неимущих. Для некоторых городов мы имеем данные о том, как городская община распределила причитающуюся ей сумму налога между отдельными семьями. Поскольку разверстка налога происходила в соответствии с имуществом и доходом, ее можно считать подходящей. В Москве в 1684–1691 гг. 10% самых бедных вносило 3,7% всех налогов, а 10% самых богатых – 31,5%, то есть в 8,5 раза больше. В Соликамске в 1708 г. 7,3% самых богатых вносило 73,4% всех налогов, а 14,6% самых бедных было по бедности вообще освобождено от налогов и т.д. Значение коэффициента Джини колебалось по отдельным городам от 0,380 в малых, слабо развитых в торгово-промышленном отношении, до 0,821 в больших городах и столицах. Стратификация городского сословия в Европейской России без Польши и Финляндии по структуре уплачиваемых налогов показывает, что в XIX в. неравенство увеличилось: коэффициент Джини в 1811 г. равнялся 0,736, в 1835 г. – 0,711, в 1858–1861 гг. – 0,778. К концу XIX в. имущественная дифференциация еще более возросла, поскольку коэффициент Джини повысился до 0,911 [Миронов, 2003: 118–121, 130].

Доля *крестьянства* в населении страны уменьшилось с 89% в 1719 г. до 80% в 1913 г. Стратификация *крестьянства* была объектом пристального изучения начиная с конца XIX в. Этот интерес стимулировался спорами об оптимальном пути социально-экономического развития России. Народники доказывали, что страна благодаря своей самобытности может избежать капитализма, марксисты утверждали, что капитализм – неизбежная стадия развития каждого общества, следовательно, и России. После 1917 г. споры возобновились с новой силой и были связаны с решением вопроса – происходило ли буржуазное перерождение *крестьянства* в условиях новой экономической политики или нет? Считалось, что чем глубже социальная дифференциация *крестьянства*, тем глубже корни капитализма в деревне. Одни историки датировали генезис капитализма в России XVI–XVII вв., другие – концом XVIII в., третьи – XIX в. Западные историки не находили буржуазного расслоения в российской деревне ни до, ни после 1861 г., хотя, по мнению некоторых из них, развитие капитализма усиливало дифференциацию *крестьянства*. В табл. 1 обобщены результаты имеющихся в литературе 360 группировок *крестьянских* хозяйств в отдельных имениях с конца XV в. до 1861 г. путем приведения их к общему основанию.

Таблица 1

Стратификация *крестьянства* Европейской России в 1495–1860 гг.

Годы	Число дворов	Население	Зажиточные, %	Средние, %	Бедные, %
1495–1505	5038	–	15	53	32
1600–1750	3479	24353	15	53	32
1751–1800	34116	235036	10	48	42
1801–1860	39178	286863	23	53	24

Источник: [Миронов, 2003: 125].

В течение трех с половиной столетий, до середины XIX в., социальный состав *крестьянства* был стабильным. В каждый данный момент преобладала средняя группа *крестьян*. Отдельные *крестьяне* в течение своей жизни легко переходили из страты в страту, вследствие чего состав каждой страты постоянно изменялся. Имущественные различия между представителями различных страт в массе отличались незначительно, хотя имелись отдельные исключительные случаи, когда помещичьи *крестьяне* становились очень богатыми людьми, владели записанными на имя помещика крепостными, землей, фабриками, огромным капиталом.

После 1860-х гг., когда *крестьянская* надельная земля была отделена от помещичьей и государственной земли, под влиянием быстрого роста населения средняя величина *крестьянского* землевладения стала уменьшаться, соответственно этому стала уменьшаться и численность скота, включая рабочий. Под давлением растущего малоземелья *крестьянство* было вынуждено искать дополнительные заработки вне своего хозяйства. В силу этого группировки *крестьянства* по величине посева или числу лошадей не могут дать адекватной картины стратификации даже в земледельческих, не говоря уже о промышленных губерниях. Там значительная часть дохода получалась вне сельского хозяйства. Необходимо учитывать общий доход *крестьянского* хозяйства на душу населения. Но сведений о доходах сохранилось недостаточно. Поэтому советские историки вслед за В.И. Лениным продолжали использовать прежние критерии – землевладение и скот, что приводило к преувеличению степени дифференциации *крестьянства*: на 1917 г. доля средней страты оценивалась лишь в 17,6% по лошадности и 22,0% по посеву; 76,3 и 69,0%, соответственно, относились к бедной страте [Данилов, 1956: 91]. Вследствие этого в советской и постсоветской историографии как само собой разумеющееся принимается тезис о высоком уровне имущественного неравенства как важнейшем факторе русской революции 1917 г. В советское время степень расслоения вольно или невольно преувеличивалась с целью доказать готовность позднеимперского российского общества к социалистической революции, а в постсоветское время – по инерции.

На самом деле уровень неравенства среди крестьянства на рубеже XIX–XX вв. был невысок, если его оценивать по доходу на душу населения. Например, в 1896 г. среди 176 821 крестьянского хозяйства черноземной Воронежской губернии на долю бедной страты приходилось 12%, богатой – 6% и средней – 82%. Если же уровень неравенства оценивать наиболее адекватным способом – коэффициентом Джини, он оказывается невысоким: по землевладению – 0,249, по скоту – 0,173, по доходам – 0,090. Группировки крестьянских хозяйств на основе дохода, выполненные земскими статистиками в пяти других губерниях – Костромской, Новгородской, Пензенской и Харьковской, полученный вывод подтверждают [Миронов, 1978: 106–115].

Итак, крестьянство до самой революции 1917 г. оставалось в имущественном и социальном отношении довольно однородной массой и имело лишь зачатки так называемого буржуазного расслоения. Именно поэтому в 1897 г. в империи (без Финляндии) доля рабочих и прислуги, для которых работа по найму служила *главным средством к существованию*, в самостоятельном населении империи составляла всего 10,9% [Рашин, 1958: 182].

Имущественное неравенство в советской и постсоветской России. По мнению исследователей, уровень неравенства в доходах при советской власти при всех колебаниях в отдельные годы и периоды был невысоким и меньшим, чем в западных странах. Например, согласно расчетам Дж. Флемминга и Дж. Майклрайта, коэффициент неравенства Джини в распределении душевых доходов в СССР по сгруппированным данным за 1985 г. составил 0,24, а в странах Общего рынка – 0,30 [Flemming, Micklewright, 2000: 870]. К сожалению, квалифицированных оценок изменения уровня неравенства в СССР в более раннее время пока не существует. Однако начиная с октября 1917 г. огромная государственная машина безостановочно работала, чтобы свести на нет материальное неравенство между людьми, и достигла в этом определенных успехов – в 1985 г. децильный коэффициент равнялся 4, в то время как в последние годы царского режима – около 7. В постсоветское время, 1992–2010 гг., уровень материального неравенства в связи с быстрым развитием рыночных отношений стремительно возрастал (табл. 2).

Таблица 2

Децильный коэффициент и индекс Джини в Российской Федерации в 1985–2012 гг.

Год	1985	1991	1992	1994	1998	2000	2004	2007	2008	2009	2012
Децильный коэф.	4,0	4,5	8,0	15,1	13,4	13,9	15,2	16,8	16,8	16,7	16,4
Индекс Джини	0,240	0,260	0,289	0,409	0,379	0,395	0,406	0,422	0,420	0,422	0,420

Источники: [Распределение, 1913; Flemming, Micklewright, 2000: 870].

В современной России имущественное и социальное неравенство находится на недопустимом, с точки зрения огромного большинства населения, уровне: по оптимистическим оценкам, децильный коэффициент равен 16–17, а в столицах и крупных городах, которые обычно являются центрами протестных движений, – и того выше: в Москве, по разным оценкам, от 44–45 и выше. По сведениям Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, в 2008 г. децильный коэффициент равнялся: в Германии, Дании и Швеции – 6, США – 14, России – 16, Мексике и Чили – 25, в Бразилии – 50. Наивысший уровень неравенства в ЮАР – 147 [Самые богатые, 2011]¹.

Итак, в России в течение имперского периода, 1700–1917 гг., имущественное неравенство было умеренным и существенно меньшим, чем на Западе. В XVIII – начале XIX в. уровень неравенства мало изменился, поскольку внутри отдельных сословий никакого тренда не наблюдалось. В 1861–1917 гг. имущественное неравенство в целом для всего населения несколько увеличилось, потому что оно выросло среди всех сословий, включая духовенство. Своего апогея оно достигло в 1901–1904 гг.,

¹ Оценки экспертов различаются.

но и тогда децильный коэффициент фондов для всего населения равнялся лишь 6,3. Среди крестьянства (80% населения в 1913 г.) и духовенства (0,5%) неравенство было гораздо ниже среднего уровня, напротив, среди дворянства (1,5%) и городского сословия (17,6%) [Миронов, 2003: 130] – гораздо выше. Небольшое увеличение неравенства в 1861–1917 гг. объяснялось ростом товарности экономики, подтверждая мировой опыт, что коммерциализация народного хозяйства объективно углубляет имущественное расслоение. В имперский период роль рынка в российской экономике систематически увеличивалась: товарность сельского хозяйства в начале XIX в. составляла около 10%, в 1850-е гг. – 17%, в 1909–1913 г. – 31% чистого сбора основных сельскохозяйственных продуктов. Суммарная величина товарной продукции промышленности и сельского хозяйства в России на душу населения в 1724–1860 гг. возрастала по 0,6% ежегодно, в 1861–1888 гг. – по 0,9%, в 1888–1913 гг. – по 1,4% [Струмилин, 1966: 160–161; Яцунской, 1973: 104]. Как видим, именно в пореформенное время наблюдался скачок товарности.

В советской России имущественное расслоение уменьшилось. К 1985 г. децильный коэффициент упал до 4, а индекс Джини – до 0,240. В постсоветский период развитие рыночной экономики привело к росту имущественной дифференциации, и ее уровень во второй половине 2000-х гг. увеличился в 4 раза сравнительно с 1985 г. и на этом примерно уровне остается до настоящего времени (децильный коэффициент неравенства остановился на отметке 16–17, коэффициент Джини – на 0,42).

Неравенство как фактор революции. В социологии и политологии считается, что разрыв в уровне обеспеченности крайних имущественных групп приводит к возникновению кризисной и даже революционной ситуации в обществе. Сильное материальное расслоение воспринимается многими людьми (прежде всего теми, кто оказывается у черты или за чертой бедности) как проявление дискриминации и, как правило, ведет к росту социальной напряженности. По данным современных социологических опросов, проблема неравенства является “болевым точкой” самосознания российских граждан: в той или иной форме существование сильного неравенства ощущают и болезненно переживают до 90% из числа опрошенных. Структурная концепция революции видит в поляризации общества, разделенного на привилегированные и угнетенные социальные группы, и в нарастающем конфликте групповых интересов главную предпосылку революции [Штомпка, 2005: 568–569]. В качестве примера обычно указывается на русские революции 1905 г. и 1917 г., когда якобы чрезмерная экономическая дифференциация населения привела к революции. Однако мы видели, что на самом деле в начале XX в. уровень материального неравенства был умеренным, а социальное неравенство в пореформенное время существенно снизилось вследствие трансформации сословий в классы и получения всеми гражданами одинаковых прав. В то же время во всех западных странах степень материального неравенства был намного выше, чем в России. Например, в США при децильном коэффициенте неравенства порядка 16–18 и в Великобритании при коэффициенте порядка 20–40 не наблюдалось даже намека на революционную ситуацию. Потому что в народном мировоззрении признавалось, что бедные большей частью сами виноваты в своих несчастьях. Оценка неравенства как высокого или низкого определяется не только его объективным уровнем, но субъективным отношением к этому уровню. Безопасный уровень неравенства специфичен для каждого социума: понимание социальной справедливости и отношение к социальному неравенству имеют национальные особенности.

Для россиянина дискурс о социальном неравенстве был и до сих пор остается, пожалуй, особенно важным. Под лозунгами борьбы за справедливость в распределении собственности и материальных благ происходили крупнейшие события в жизни России XVIII–XX в. – восстания крестьян и рабочих, революции начала XX в., “раскулачивание” и коллективизация в 1929–1933 гг., наконец, перестройка и структурные реформы начала 1990-х гг. Причем если в большинстве случаев борьба шла за уничтожение привилегий и экономическое (имущественное) равенство, то русская революция начала 1990-х гг. проходила в значительной мере под лозунгом борьбы с уравниловкой,

то есть, по сути, за справедливое увеличение неравенства. Но в постсоветское время, ввиду четырехкратного роста неравенства в доходах, у большинства населения желание разумного неравенства снова сменилось стремлением насколько возможно уменьшить имущественную дифференциацию.

Чем можно объяснить особую чувствительность к неравенству в российском социуме? В течение нескольких веков и вплоть до начала XX в. большинство граждан России являлись крестьянами, жили и работали в условиях моральной экономики, потому что и в начале XX в. русский крестьянский социум по многим своим характеристикам относился к традиционному обществу. В 1897 г. доля крестьян в сельском населении составляла 92%, в городском – 45%, во всем населении – 86% (в 1913 г. – 80%) [Мионов, 2003: 130, 223]. В основе трудовой этики русского крестьянина-земледедца лежали следующие принципы. Цель производства – удовлетворение скромных потребительских потребностей; получение прибыли – грех; бедность – не порок; время – не деньги; как успех, так и неудача в работе являются знаком божьей милости; трудовая деятельность должна иметь нулевую прибыль (поскольку если кто-то имеет прибыль, то кто-то обязательно будет в убытке), а имущественная дифференциация – минимальна. В советское время некоторые принципы моральной экономики, в частности стремление к минимизации неравенства и ограничение потребления разумными рамками, получили официальное признание, воплощались практически и с помощью пропаганды внедрялись в массовое сознание.

Если говорить о типичном русском крестьянине-земледелеце, то в системе его ценностей равенство занимало одно из первых мест, а богатство – одно из последних. Земледелец считал, что богатство аморально, так как всегда нажито не по совести и правде, в ущерб и за счет других. Оно не приносит душевного спокойствия, наоборот, обладание им сопряжено с большими хлопотами, волнениями и страхом за свое будущее на том свете, в вечной потусторонней жизни. В комплексе пословиц о богатстве есть 12 пословиц, развивающих идею “богатство нажить – в аду быть”, и ни одной пословицы, в которой бы содержались идеи о том, что богатство приносит моральное удовлетворение и является наградой за труды, энергию, инициативу [Даль, 1957: 79–86]. Землю, принадлежавшую общине, крестьяне рассматривали как свое общее достояние, поэтому доходы и убытки от ее использования должны распределяться по справедливости, по совести, т.е. уравнительно между всеми. Нарушение равенства воспринималось пострадавшим как ущерб не только материальный, но и моральный, почти как оскорбление. Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как на источник богатства и власти. По его мнению, собственность должна обеспечивать человека элементарными средствами к жизни. Использование ее для эксплуатации и обогащения греховно. Источником существования каждого человека должен быть личный труд. Накопление собственности не имеет большого смысла, так как не гарантирует общественного признания, уважения, не помогает осуществлению главных целей жизни, порождает эгоистические чувства и вражду, отвлекает от мыслей о Боге. Крестьянин считал, что если все люди равны перед Богом и царем, то и в обществе все должны быть во всем равны: иметь равные права и обязанности, одинаковый достаток и т.д.; отклонения от равенства ведут к греху и потере уважения: “Богатство перед Богом грех, а бедность – перед людьми” [Мионов, 2003: 327–345].

Представим, что чувствовал человек с подобным патриархальным мировоззрением, когда после Великих реформ 1860–1870-х гг. попадал в столицы и крупные города, где концентрировались отходники, становился рабочим или шел в услужение. После деревни городское неравенство, особенно между ним и действительно богатыми людьми, казалось громадным и не могло вызывать позитивных эмоций. Травматическому воздействию в целом умеренного неравенства на крестьянство после Великих реформ способствовал ряд факторов: повышение грамотности, информированности, расширение кругозора благодаря невиданным прежде масштабам миграции людей и призыва в армию после введения всеобщей воинской повинности, знакомство с городом, где неравенство было на порядок выше, чем в деревне. Если в 1860-е гг.

в отходничестве легально участвовали 1,3 млн крестьян в год, то в 1890-е гг. – 7,1, в 1906–1910 гг. – 9,5 млн в год [Миц, 1925: 16–24]. Если в предвоенное время, 1874–1913 гг., в армию ежегодно призывалось около 7,1% всего трудоспособного мужского населения, то за 2,5 года, с июля 1914 по январь 1917 г., под ружье было поставлено 47,4%, или 15,1 млн [Россия в мировой войне, 1925: 18, 21]. Кроме того, неравенство в годы войны возросло: буржуазия разбогатела на военных поставках и проявляла безудержное мотовство и стремление к роскоши, в то время как горожане испытывали депривацию, неизбежную во время войны. Это озлобляло городских рабочих и солдат, размещавшихся в городах, особенно в Петрограде и Москве, подогреваемых агитацией и пропагандой.

Но, наверное, еще в большей степени гипертрофированному восприятию крестьянами и пролетариями умеренных размеров бедности и неравенства чрезвычайно способствовал политический пиар. Вследствие огромного влияния установок на восприятие и понимание действительности, оппозиция и господствующий класс прилагали много усилий, чтобы по возможности стереотипизировать массовое сознание в желательном для себя духе. Утверждение “виртуальных фактов” и создание искусственной “действительности” стали частью русской общественной жизни в конце XIX – начале XX в., а PR как технология создания и внедрения в массовое сознание желательного образа действительности – ее неотъемлемым элементом. Оппозиция предприняла грандиозные усилия по дискредитации монархии и пропаганде идей революции. С помощью четкого и продуманного общения с властями, поддержания связей со всеми социальными группами и умелой манипуляции общественным мнением она смогла завоевать общество и повести его за собой.

Идеи неравенства, обнищания и кризиса занимали главное место в этой агитации и пропаганде против монархии и служили козырными картами в революционной пропаганде со времен А.Н. Радищева, который утверждал, что помещики оставляют крестьянам “только воздух, который отнять не могут”. Революционные демократы, А.И. Герцен, Н.П. Огарев, Н.Г. Чернышевский и другие, подхватили эту идею. Через несколько дней после оглашения Манифеста 19 февраля 1861 г., освободившего помещичьих крестьян от крепостного права (между тем осмысление основополагающих документов реформы требовало времени), в написанных ими прокламациях они “доказывали”, что условия отмены крепостного права – грабительские для крестьян. Вся революционно-освободительная мысль пореформенного времени педалировала эту идею на все лады и своего апогея достигла в пропаганде большевиков. Доказывая, что объективные предпосылки революции 1905 г. созрели, В.И. Ленин писал: “Все пореформенное сорокалетие есть один сплошной процесс раскрестьянивания, процесс медленного мучительного вымирания. Крестьянин был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой. <...> Крестьяне голодали хронически, и десятками тысяч умирали от голода и эпидемий во время неурожая, которые возвращались все чаще и чаще”. Положение рабочих не лучше: “Тысячи и тысячи людей, трудящихся всю жизнь над созданием чужого богатства, гибнут от голодовок и постоянного недоедания, умирают преждевременно от болезней, порождаемых отвратительными условиями труда, нищенской обстановкой жилищ, недостатком отдыха” [Ленин, 1967. Т. 4: 396; Т. 5: 13]. Паразитические помещики, жиреющая буржуазия, бедные и обездоленные крестьяне и рабочие являлись ходульными фигурами пиара. В одной из многих большевистских листовок в годы первой (1905 г.) и второй (1917 г.) русской революции мы читаем: “Небольшая кучка привилегированных владельцев средствами и орудиями производства, небольшая кучка ничего не делающих богачей господствует над огромной массой рабочих, ничего не имеющих, кроме своих рук, и создающих все богатства мира. Буржуазия пользуется нуждой рабочих семей, чтобы эксплуатировать женский и детский труд, буржуазия пользуется голодом рабочих, чтоб держать их в своем полном подчинении” [Листовка, 1906]. Намеренно преувеличивая степень неравенства, разжигая социаль-

ную зависть бедных к состоятельным, порождая горькое чувство несправедливости, политическая оппозиция готовила революцию.

Итак, хотя русские революции начала XX в. произошли не по социально-экономическим, а по политическим и культурологическим причинам², хотя уровень имущественного неравенства был накануне революций сравнительно с другими странами невысоким, сбрасывать фактор материальной дифференциации со счета было бы опрометчивым. Русские были и остаются чрезвычайно чувствительными к вопросу имущественного неравенства, часто полагая: власти обязаны заботиться о справедливости, и наличие сильного расслоения свидетельствует об их безразличии к народным нуждам. В силу этого даже умеренный по буржуазным стандартам уровень неравенства в России повышал градус социальной напряженности. Проблема состояла не столько в степени неравенства, сколько в том, что в конце XIX – начале XX в. и особенно в годы Первой мировой войны миллионы крестьян, переодетых в солдатские шинели, увидели и осознали в полной мере существовавший в обществе уровень неравенства, умеренный, если оценивать его объективно, но им, ориентированным на уравнилельное распределение собственности и доходов, он показался огромным.

Революция начала 1990-х гг. произошла при весьма низком уровне имущественного неравенства. В протестных движениях современной России, имевших место в конце 2011 – начале 2012 г., когда, по мнению социологов, уровень расслоения населения по доходам является чрезвычайно высоким и социально опасным, проблема имущественного неравенства даже не артикулировалась участниками демонстраций. Главные требования носили исключительно политический характер. Это подтверждает высказанную выше мысль, что степень материального неравенства, несмотря на всю свою важность, не может служить достаточной причиной для возникновения революционной ситуации и тем более для ее превращения в революцию. Нужны дополнительные, как правило, политические факторы, нужен мощный политический пиар. Современная политическая оппозиция это прекрасно сознает. Кроме коммунистов, идею неравенства в настоящее время педалируют все партии оппозиции. Например, учрежденная в марте 2013 г. в России новая политическая партия “Колокол”, как и сто лет назад, для привлечения сторонников запела старую проверенную песню: «Что было движущей силой революций семнадцатого года? Бессмысленная война, голод и холод, жирующая буржуазия под музыку Вертинского и нищенствующий народ. Что является движущей силой революции семнадцатого года этого века? Чуждая народу армия бюрократии открыто использующая власть, как механизм тотального обогащения, голод и холод, жирующая буржуазия под клубный глянец и нищенствующий народ. Жирующая буржуазия. Это уже сословный класс, призванный сохранить и приумножить награбленное за последние 20 лет “реформирования” России, бесменно правящая каста страны. Нищенствующий народ. Это не беспризорники на вокзалах и роящиеся в мусорных баках бомжи. Это мы с вами. Те, кто должен получать блага цивилизации по праву добросовестного гражданина, но в правах поражен имитационными, псевдодемократическими процессами» [Революция на марше, 1913].

Ленин жил, Ленин жив! Сколько же ему осталось жить?!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Даль В.И.* Пословицы русского народа. М., 1957.
Данилов В.П. Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации // Исторические записки. 1956. Т. 55.
Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России // Собрание сочинений. В 4 т. М., 1995. Т. 1.

² Причины русских революций начала XX в. лежали в сфере политики, в борьбе за власть между либеральной и революционной оппозицией и монархией [Миронов, 2013: 29–39; Миронов, 2012: 563–661].

- Ленин В.И. ПСС. В 55 т. М., 1965–1975. Т. 4 (1967), Т. 5 (1967).
Листовка Петербургского комитета РСДРП, апрель 1906 г. URL: <http://rkrp-rpk.ru/content/view/7166/1/> (дата обращения: 9.12.2013).
- Миц Л.Е. Отход крестьянского населения на заработки в СССР. М., 1925.
- Миронов Б.Н. Социальное расслоение русского крестьянства под углом зрения социальной мобильности // Проблемы аграрной истории (XIX–30-е годы XX в.) / В.Л. Янин (ред.). Минск, 1978. Ч. 2.
- Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. 3-е изд. СПб., 2003. Т. 1.
- Миронов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. 2-е изд. М., 2012.
- Миронов Б.Н. Русская революция 1917 года как побочный продукт успешной модернизации // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 29–39.
- Рашин А.Г. Формирование рабочего класса России: Историко-экономические очерки. М., 1958. Революция на марше. URL: http://novpart.ru/articles/read-article/stati_nikolaya_dizhura/revolyutciya-na-marshe/ (дата обращения: 9.12.2013).
- Россия в мировой войне: 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925.
- Самые богатые в странах ОЭСР в 9 раз богаче самых бедных / URL: <http://ru.euronews.net/2011/12/05/trickle-down-forget-it/> (дата обращения: 9.12.2013).
- Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966.
- Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М., 2005.
- Яцунской В. К. Социально-экономическая история России XVIII–XIX вв. М., 1973.
- Flemming J., Micklewright J. Income distribution, economic systems and transition / A.B. Atkinson, F. Bourguignon (eds.). Amsterdam; New York: Elviesier, 2000.

© 2014 г.

Г.Г. ВОДОЛАЗОВ

АЛЬТЕРНАТИВЫ ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ АЛЬТЕРНАТИВ

(Была ли реальная альтернатива Сталину?)

(статья вторая)¹

ВОДОЛАЗОВ Григорий Григорьевич – профессор, доктор философских наук, вице-президент Российской Академии политической науки.

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ сталинской и бухаринской концепций социально-экономического развития СССР. Победа сталинской версии обусловила становление в стране административно-командной системы.

Ключевые слова: модернизация • альтернатива • НЕП • административно-командная система • господство бюрократии

Именно так часто ставят вопрос сегодня. Важно, что мы к середине 1930-х гг. построили и почему возведенное в середине восьмидесятых пришлось “перестраивать”, а в девяностые – ещё и “перекраивать”. Более плодотворно на него отвечают те, кто связывает понятие “Сталин” не только с его преступлениями, но в первую очередь с определенной системой общественных отношений, которую стало модно именовать “административно-командной”. Поэтому вопрос: “Была ли альтернатива Сталину?” –

¹ Начало см.: “Социологические исследования”. 2014. № 8. С. 105–113.